

ЭТИКА И ПОЛИТИКА

*А.В. ОБОЛОНСКИЙ***Этика в сфере публичной политики
как фактор социокультурных
изменений**

Статья посвящена критически важной проблеме этического регулирования поведения политиков разного уровня и видов деятельности, а также граждан. Автор рассматривает этические ценности и нормы как один из наиболее эффективных путей для возможных позитивных изменений в данной сфере общественной жизни посредством перемен в преобладающей политической культуре общества, поскольку существующее положение носит не просто неблагоприятный, но угрожающий характер для будущего страны. Падение престижа государственной власти – не только российская, но в определенной мере и общемировая проблема, часть общего современного кризиса государства в существующих формах и поиск его модели, более адекватном современным требованиям и общественным ожиданиям. Рассматриваются вопросы соотношения политики и морали (в частности, проблема макиавеллизма), политической этики и демократии, моральный аспект роли руководителя, повышенная моральная ответственность политиков, парламентская этика, этика членов гражданского общества. В работе используются исторические источники и зарубежные материалы.

Ключевые слова: этика, мораль, политическая культура, гражданские ценности, государство, демократия, руководитель, депутат, гражданское общество.

Главная, наверное, книга А. Швейцера называется “Культура и этика”. Я позволю себе частично заимствовать ее заглавие для обозначения замысла данной статьи. Да одной статьей тему и не охватить. Речь пойдет о *связи политической этики* (в широком значении слова политика) *и политической культуры*. А конкретнее – об одном из аспектов прикладной этики: ее роли и функционированию в различных областях так называемой публичной сферы, куда входят и политика как таковая, и другие так или иначе связанные с ней виды профессиональной публичной деятельности. Более того, представляется, что именно **этическое регулирование поведения в публичной сфере может стать эффективным инструментом позитивных изменений в политической культуре**, в чем наше общество отчаянно нуждается. Уровень общественной морали оказывает немалое влияние и на качество культурного и социального человеческого капитала, с чем у нас, как известно, ситуация тоже далека от благополучной.

Акцент на этических регуляторах поведения людей, профессионально занятых политикой или отправлением государственно-властных функций, – знамение време-

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: aobolonsky@hse.ru.

ни в мировом масштабе. Это проявляется во многом: в принятии кодексов поведения для различных категорий политиков и государственных служащих, в формировании институтов контроля за соблюдением норм этих кодексов, в постоянном публичном обсуждении данного круга вопросов – словом, в достаточно четком формулировании стандартов поведения людей, действующих в сфере публичной политики, а также в создании и поддержании в “рабочем” состоянии контрольных механизмов. К сожалению, в России отношение к этим вопросам, во всяком случае до недавнего времени, было довольно скептическим. Но тот факт, что многие либо имеют об этом искаженное представление, либо относятся ко всей этой, как они полагают, “демагогии”, с пренебрежением, сути дела не меняет.

К тому же вопрос относительно характера (и даже более широко – типа) отечественной политической культуры давно вышел у нас за рамки научных споров, превратившись в аргумент для обоснования той или иной политической позиции или даже личного политического поведения. Наибольшую популярность приобрели в этом плане категория ментальности и неоправданно расширительное толкование концепции *path dependence* (зависимость от предшествующего развития), которой часто придается фатальный, непреодолимый характер. При этом любопытно, что к ней апеллируют полярно противоположные во всем остальном оппоненты. Традиционалисты в духе известной максимы времен Николая I твердят о нашем “героическом прошлом, замечательном настоящем и невообразимо прекрасном будущем”, и о том, что всей этой благодати угрожают лишь иностранная злокозненность и тлетворные влияния Запада. Либералы же говорят о “проклятии ментальности”, о неизбывной порабощенности нашего народа деспотическим прошлым, делая отсюда вывод о якобы принципиальной нашей непригодности к демократической и гражданско-правовой культуре и потому бесперспективности попыток что-либо изменить к лучшему, во всяком случае в обозримом будущем.

Думается, однако, что обе эти позиции равно неадекватны. Серьезные исследователи, описывая различие национальных и религиозных культурных паттернов с точки зрения их влияния на способность того или иного общества к экономическому развитию или, более широко, к модернизации и демонстрируя, что не все культуры в данном отношении равны¹, тем не менее не склонны считать это непреодолимым барьером для возможности изменений. Во-первых, культуры неоднородны – “даже в культурах, сравнительно враждебных прогрессу, существуют альтернативные течения, и некоторые из них могут содержать элементы прогрессивных ценностей” [Харрисон 2014, с. 31]. Во-вторых, культура не есть некая раз и навсегда заданная матрица, она подвержена изменениям, причем в наш динамичный век весьма быстрым. Применительно же к России, где даже в самые тяжкие времена деспотичной и тоталитарной власти ей противостояли высокие образцы альтернативной контркультуры, подобная позиция выглядит как утверждение о некой нашей “национальной неполноценности”, что, на мой взгляд, не выдерживает проверки историческими фактами. Этика же – один из важнейших компонентов культуры.

И, как представляется, извечный теоретический спор о том, что важнее – человеческие качества людей или же институты, их направляющие и, как многие считают, формирующие – может быть отчасти решен посредством *этического (de facto этико-правового) регулирования поведения людей публичных профессий*. Оно включает этические кодексы (существующие под разными названиями, но принципиальная суть их одна) и обеспечивающую их соблюдение так называемую “этическую инфраструктуру” (то есть консультативные и контрольные механизмы) плюс преобладающий в сфере публичных отношений этос.

В века минувшие эту функцию выполняли религия (хотя не всегда достаточно успешно), а также различные формы государственного и группового давления и при-

¹ Видимо, в этом контексте следует вспомнить работы М. Вебера (а, возможно, надо начать и с А. Токвилля), П. Бурдьё, Р. Инглхарта, С. Хантингтона и др. Но это увело бы нас далеко от темы статьи.

нуждения. В современном светском (тем более – постмодерном) обществе, а особенно в обществе секулярном, все более преобладают иные механизмы. Это связано со многими причинами. Последние десятилетия XX в. и начало века XXI – время больших и прогрессирующих перемен в самих основах отношений гражданина и государственных институтов. Это – один из параметров меняющегося мира. Как масштабы, так и последствия данного процесса, а также его историческая необратимость еще в полной мере не осознаны. А суть его – в изменении самой логики отношений между государством и людьми. Пирамида как бы перевернулась. Государство все более воспринимается людьми не как некая “высшая сила”, а как всего лишь машина по оказанию услуг совокупному потребителю. Услуг – оплаченных их потребителем – налогоплательщиком. И машина эта часто оценивается им весьма критически и строго, как неэффективная. Крайняя точка этой рефлексии – вопрос “а для чего вообще нужно государство”, во всяком случае, в нынешних его формах? Раньше такой ход мысли был монополией лишь анархистского типа политического сознания. Теперь его задают и неолибертарианцы (см., например, [Dogerty 2006]), и многие другие, вплоть до умеренных этактистов.

Последние десятилетия произошла “десакрализация” власти как таковой. Представляется, что это – одно из важнейших интеллектуальных достижений XX в. (почти сравнимое по важности с появлением Интернета). Страшные уроки тоталитаризма XX в. не прошли даром. В свете их, а также тенденции к увеличению “зарегулированности” жизни даже в странах с демократическими традициями, в ответ стала формироваться и крепнуть контридеология, основа которой – настороженное отношение к усилению государств и попытки противостоять этому. Государство в духе либеральной традиции века Просвещения стремятся вернуть на прежнее, служебное по отношению к людям, место. По существу, происходит поиск новой модели отношений гражданина и государства, госструктур и институтов гражданского общества. Этот процесс далек от завершения. Он не вполне укладывается в классическую дихотомию “либерализм – патернализм”. Государство в некоторых отношениях сохраняет свою ключевую роль. Но при условии, что само оно должно кардинально измениться. Иными словами, идет поиск под лозунгом “*новое государство для нового мира*”.

Среди причин падения авторитета государства я бы выделил:

- общий подъем политического сознания и политической культуры населения развитых стран, вследствие чего “просвещенные” граждане опасаются усиления государства, видя в этом угрозу возрождения тоталитаризма в новых версиях;

- нарастающая неадекватность традиционных государственных институтов и методов управления вызовам современного мира – неприемлемость обычной для них медлительности реагирования на события, а также низкой эффективности принимаемых в итоге решений и низкого качества услуг по сравнению со сходными ситуациями в частном секторе;

- продолжающаяся вопреки предыдущему фактору экспансия бюрократических амбиций, пытающихся представить государство как главный (*problem solver*) актор общественного развития.

В результате совокупного действия этих факторов в последние десятилетия во многих странах, причем самых разных, происходит падение доверия к государственным институтам, в частности к государственному аппарату, упадок престижа госслужбы. Разумеется степень этих тенденций в разных странах различна: в России, например, она заметно больше, чем в более благополучных странах. Но явление носит в целом общемировой характер². Я полагаю даже, что есть основания оценивать данную ситуацию как определенный **кризис государства**, по крайней мере, в его **современных административно-бюрократических формах**. На сей счет существует множество эмпирических подтверждений – данных социологических опросов в разных странах.

² См., например, данные Левада-Центра: <http://www.Levada.ru/04-07-2013/glavnye-professii-po-mnntniyu-zhiteley-rossii>.

В правительственных кругах и связанных с ними научных центрах даже звучат lamentации типа «Как трудно правительству управлять в нашу “антиправительственную эру”». Конечно, тут есть изрядная доля риторики и расчетливой драматизации ситуации. (Здесь мы видим один из механизмов бюрократической самозащиты.) В России на этом строят мифологические конструкции о “неудачном народе”, о непреодолимости “рабской ментальности” и т.п., что служит цели псевдообоснования государственного патернализма и персоналистского политического режима. Вспоминают даже печально известную фразу А. Пушкина из его письма П. Чаадаеву, что правительство – единственный европеец в России и лишь от него одного зависит не стать хуже, ибо никто больше этого не заметит. (Думается, излишне тратить место на доказательство, как минимум, устарелости данного суждения.) Если 200 лет назад это, возможно, имело некоторые основания (хотя не ясно, как оценивать с таких позиций, скажем, феномен декабризма), то сейчас это далеко не так. Осмелюсь утверждать, что *современное российское государство хуже большинства людей*, населяющих страну.

Государства, в социально-политическом плане более чувствительные и отзывчивые, нежели Россия (прежде всего – англосаксонские), сделали из подобной ситуации иные выводы. Основной вектор последних десятилетий в этом плане – поиски нового статуса, новой роли государства и изменение характера его взаимоотношений с гражданами и их объединениями, с гражданским обществом. И это – вопрос политики в широком ее понимании.

Один из векторов обновления государства – его **этизация**. А некоторые авторы полагают даже, что обновление всей России (если оно произойдет, оговорюсь, глядя на реалии сегодняшнего дня) должно носить этический характер [Бахитановский, Согомонов, Чурилов 1997, с. 745]. Рассуждая “от обратного”, наблюдаемый удручающе низкий уровень морали в публичной сфере представляет опасность для страны, ибо безнравственный политик, чиновник, журналист – угроза для общества. Правовые и медийные инструменты, даже в случаях, когда их создатели имели в виду нечто общественно положительное, попав в руки аморальных людей, превращаются в свою противоположность.

Политика и мораль

Весьма распространены суждения о якобы несовместимости этих двух понятий, поскольку политика представляется чем-то нечистым, где главное – умение обмануть, обыграть, даже предать и т.п. Тем самым она “по определению” выводится за пределы морали и моральных категорий. Подобная позиция, к сожалению, находит массовые подтверждения как в исторической, так и в современной политической практике. Однако, с моей точки зрения, это – опасная подмена должного сущим, ведущая к **легитимации аморализма** и как бы изначально отдающая политическую площадку тем, кто “принципиально” не связывают себя какими-либо моральными соображениями. Здесь я солидарен с А. Гусейновым, считающим, что “современные трактовки политики, господствующие в общественном сознании и прописанные в учебниках политологии, которые вертятся вокруг понятий власти, борьбы интересов, насилия, хотя и имеют, разумеется, отношение к политике, но не охватывают ее сути в аристотелевском понимании. Они блокируют выход к ее нравственным основаниям, говоря точнее – с самого начала помещают ее в донравственное, вненравственное, безнравственное пространство. Эти этически урезанные концепции политики нельзя путать с тем, что понимает под политикой Аристотель, выявляющий ее изначальный смысл и предназначение” [Гусейнов 2004, с. 110].

Разумеется, существуют мощные традиции политического поведения, связанные с понятиями “византизма” и макиавеллизма, а также с еще более древними корнями. Так, первым “макиавеллистом” мне представляется китайский придворный “политтехнолог” Шан Ян, еще в IV в. до н.э. написавший классический трактат “Книга правителя области Шан” [Древнекитайская... 1973, с. 211–224]. Да и вообще книги,

акцентирующие политическую составляющую истории (а это, пожалуй, большинство исторических работ, по крайней мере, до последнего времени), действительно полны описания аморальных поступков политиков и их приближенных. Не случайно И. Берлин отметил, что политическая история это описание массовых убийств и иных преступлений, что должно быть оскорбительно для полноценной истории человечества, ибо “живых людей приносят в жертву на алтарях абстракций – нации, церкви, партии, класса, прогресса” [Берлин 2014^a, с. 22]. От себя в этом смысле добавлю – государства и так называемых “государственных интересов”.

К тому же едва ли не в каждой эпохе можно найти подтверждения “антимакиавеллистского”, морального, взгляда на политику. Так, по Аристотелю, политика есть продолжение этики в общественной жизни. Еще блаженный Августин в своем знаменитом труде “О граде Божием” “криминализировал” государства, пренебрегающие моралью: “При отсутствии справедливости (или “правосудия”, если взять другое значение слова *justicia*. – *А.О.*), что есть государства, как не большие разбойничьи шайки, так как сами разбойничьи шайки, что такое, как не государства в миниатюре?” (цит. по [Графский 2005, с 185]). А с XV в., с начала эпохи гуманизма, моральная философия стала не только фактором общественной рефлексии, но и элементом системы образования в рамках так называемых “наук о человеческом” (*studia humanitatis*). России мысль, что государственная польза не оправдывает имморализма средств ее достижения, тоже была отнюдь не чужда. Великая русская литература XIX в. неоднократно ее выражала. В исторической же науке ее высказал, например, Н. Карамзин, писавший: “Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики. Суд Истории, единственный для государей, кроме суда Небесного, не извиняет и самого счастливого злодейства” [Карамзин 1998, с. 142]. И еще: “Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для государей” [Карамзин 1992, с. 147]. Да уже и в совсем близкое время, в конце XX в. тот же Берлин писал: “Политическая теория – это ветвь моральной философии, начинающаяся с применения моральных категорий к политическим отношениям” [Берлин 2014б, с. 124].

Другое дело, что хотя логика макиавеллизма и заклеяна многожды как античеловечная, а на практике ведущая к самым варварским, людоедским последствиям, она, увы, оказалась очень живучей. Макиавеллизм по-прежнему проявляет активность на мировой и многих национальных политических сценах. Что мы, к несчастью, и наблюдаем. Но все же демократические страны, пусть непоследовательно, спотыкаясь и оглядываясь, инкорпорируют *ценности моральной политики*. К этому их толкают возросший уровень предъявляемых политикам общественных ожиданий и требований, общий кризис доверия к государству в современном мире, возрождение либертарианской идеологии. И высокий рейтинг отдельных политиков не компенсирует низкого престижа государственных институтов. Даже в странах, не имеющих глубоких демократических традиций, формируется качественно новая политическая культура. Болезненно, порой с немалыми издержками и отступлениями, но процесс этот идет. И, по моему, необратимо. Наступают “новые времена”, когда даже политические циники вынуждены хотя бы внешне, демагогически, но играть по новым правилам. Моральность политики выстрадана человечеством, заплатившим за это высочайшую цену уже в XX в. Реакция же на упорство макиавеллизма – повсеместное падение веры (уважения) к государству, политическое отчуждение, массовые гражданские протесты, “двойная мораль”.

Представляется, что сентенции о якобы несовместимости политики и морали принципиально расходятся с фундаментальным назначением и смыслом политики как таковой, а в основе их лежат, полагаю, далеко не бескорыстные мотивы. На мой взгляд, именно наличие или отсутствие в политике нравственной компоненты маркирует границу между политикой в подлинном смысле и политиканством, политическим интриганством. Ведь если принять тезис, что политика и мораль несовместимы, то возникает вопрос: а чем она, собственно, отличается от преступного “беспредела”? Ведь

даже у “воров в законе” есть своя “этика”. Само собой разумеется, что последняя – извращенная система взглядов и ценностей с точки зрения нормального человека и об “этике” такого рода можно говорить лишь в кавычках. Но тем не менее даже она существует как некая система моральных правил и ограничителей.

Политическая этика и демократия

Политическая этика – один из видов прикладной этики, определяемая как “совокупность ценностей и норм, разрешений и запретов, ориентирующих и вместе с тем регулирующих действия как профессиональных политиков, так и все тех, кто по своей воле или (или против нее) вовлечен в политическую жизнь” [Бахитановский, Согомонов, Чурилов 1997, с. 2003]. В современном мире действует сильная положительная корреляция между моральностью и политической демократией. Люди, как известно, далеко не ангелы. Они подвержены всяческому искушениям. Политическая же деятельность, да и иные связанные с ней занятия, “подсовывают” вовлеченным в них всяческие возможности для различного рода злоупотреблений такими “шансами”. И далеко не всегда находятся внутренние нравственные ресурсы этому противостоять. Чтобы помочь им в этом, а также предостеречь от нарушений, в том числе закрепив законодательно или иным образом, должны процедуры и санкции за их несоблюдение, человечество придумало различные механизмы. Наиболее эффективные из них связаны с демократией. Как писал богослов Р. Нибур, “человеческая способность к справедливости делает демократию возможной, но человеческая склонность к несправедливости делает демократию необходимой” (цит. по [Крук 2004, с. 50]). А справедливость, как и ее антоним, – категории из области этики.

Однако научная добросовестность предполагает и серьезное взвешивание контраргументов, в данном случае – доводов против утверждения, что демократия есть необходимое условие моральности политики. Рассмотрим, пожалуй, самый важный из них – “проблему просвещенного и благонамеренного автократа”. Много веков она была едва ли не главным идеологическим обоснованием легитимности монархии как наилучшей формы правления с позиции общественного блага. Дескать, монарх, в отличие от правителя республиканского типа, не должен заискивать перед избирателем, предпринимать популистские шаги, а может мыслить стратегически, с точки зрения долговременных последствий и государственных интересов. К этому наследственного монарха готовят сызмала. “Заигрывание” с обществом для него излишне. (Не случайно ведь последний российский император Николай II совершенно искренне недоуменно вопрошал приближенных: “Какое мне дело до общественного мнения?”. Итоги, впрочем, известны.) Проблема эта, увы, не утратила актуальности и сегодня, когда судьба страны почему-то немалым числом людей связывается в первую очередь с личностью и судьбой ее политического руководителя.

Теперь назовем аргументы против благотворности идеи “просвещенного автократа”. Во-первых, тут возникает проблема наследника, ибо не существует никаких гарантий, что ему будет наследовать столь же достойный преемник. Исторические примеры свидетельствуют как раз об обратном. Поэтому такой способ передачи власти стал архаикой и на смену ему пришли конкурентные выборы.

Во-вторых, в окружении любого автократа, даже самого прогрессивного, с течением времени начинает преобладать так называемая “дворцовая политика”, и все больший вес приобретают временщики, льстецы, посредственности, для которых близость к власти – прежде всего средство достижения эгоистических целей и от которых он попадает в зависимость. В отечественной истории наиболее яркий пример – Александр II. Приведу несколько цитат из воспоминаний людей, находившихся в его близком окружении, но принадлежавших к явному меньшинству подлинно государственных деятелей, а не дельцов.

Министр внутренних дел в период реформ, затем – член Государственного совета, а в конце царствования Александра II председатель Комитета министров П. Валуев пи-

сал в дневнике: “В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени... но при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя... Наше правление – министерская олигархия” [Александр II... 1995, с. 147].

“У нас вся энергия правительства, к сожалению, расходуется на меры строгости или на разрушение прошлого. Создавать органическое мы не горазды”. “Система грубой силы и всякого рода принудительных мер проповедуется с успехом у трона”. “Припоминая то, что я сегодня видел и слышал, во мне остается впечатление чего-то цинического, совершенно недостойного государственной деятельности. Государь созвал мужей Совета. Он был прав. Он предложил им вопрос на обсуждение. Но что сказали они и как обсуживали они этот вопрос? Не как советники, но как приказчики. Не перед государем и для государя, а перед барином и для барина. К коим струнам человечески-монаршего сердца обращались они? Как всегда, к слабейшим и низшим, а не к благородным и возвышенным... Для них русский мир – фольга, русский люд – декорация, вся Россия только подножие для их призрачного величия”. “Власть рассматривается не как средство, но как цель или право, или имущество”. “Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но нисколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы позволяем бранить изменою проявление человеческого чувства, душим, вместо того, чтобы управлять... Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европы. И мы толкуем о величии России и о православии! [Александр II... 1995, с. 147, 191, 199, 207, 211].

А вот наблюдения С. Витте, тогда еще начинающего молодого чиновника со свежим взглядом: “Что за скопище подобострастных глупцов представляет Зимний дворец!”. “Общественный, умственный, художественный уровень псевдостоличной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовской посредственности, постоянно понижается” [Александр II... 1995, с. 302, 307].

В сущности, то же подтверждает и военный министр Д. Милютин: “Такая колоссальная работа (реформа государственного устройства. – *А.О.*) не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского” [Александр II... 1995, с. 323]. И это говорит об окружении лучшего за всю историю российского царя, благодаря реформам которого страна имела наибольший в своей истории шанс перейти на персоналистский путь развития! Что же тогда говорить об окружении других наших венценосцев и более поздних лидеров.

В-третьих, все позитивное политик у власти делает (если вообще делает) в течение одного-двух сроков своих полномочий. За примерами далеко ходить не надо. И в четвертых, долгое пребывание во власти деформирует личность человека, его восприятие, шкалу ценностных приоритетов. Широко известна фраза лорда Эктона: “Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно” (http://dic.academic.ru/dic.nst/enc_collor/824/ACTON). А Дж. Стейнбек заметил, что человека портит не сама власть, но страх ее потерять.

Так что сменяемость власти выстрадана опытом человечества. Причем сменяемость не любая, а основанная на демократических процедурах. Разумеется, имеется в виду демократия не имитационная, а реальная. И мораль обретает тут статус высшего контролера, “хранителя демократии”. Ибо высокие моральные стандарты поведения политиков – условие веры общества в демократию и вообще во власть, а их нарушение, пренебрежение ими ведет к дискредитации демократии как системы. К сожалению, мы наблюдаем эту ситуацию и ее последствия в современной России. В 1990-е гг. люди поверили в демократию, а их обманули. И возникший отсюда кризис доверия к демократическим институтам – возможно, ключевая драма нашего времени, базовая

причина многих наших сегодняшних болезней и удручающих политических “тримас”. Наблюдаемый ренессанс макиавеллизма, смеси патриархальной и “подданнической”, лоялистской политических культур, к тому же проявляющейся в вызывающе агрессивных формах, блокирует шанс на нормальное развитие страны, загоняя ее в очередной исторический тупик.

По существу, мы имеем дело с попыткой по мере сил прикрыть еще недавно довольно широко распахнутую дверь открытого общества. Происходит процесс, об опасности которого предостерегал в свое время К. Поппер, считавший глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. Как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносило людям лишь новые беды. Вернуться в мнимый “утраченный рай” тоталитаризма невозможно. “Для вкусивших от древа познания рай потерян. Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу” [Поппер 1992, с. 234]. Увы, это предостережение великого ученого сегодня звучит актуальней, чем когда-либо раньше, во всяком случае, после начала перестройки.

Моральный аспект роли руководителя

Это – далеко не последний по важности элемент здорового “этического режима”. Вспомним старую русскую поговорку: “Рыбка с головки гниет”. Соответственно, поведение, личный пример руководителей всех уровней задает общий дух того или иного морального климата в организации. Считается, что личные качества и поведение руководителей, особенно на высших уровнях руководства, – самый важный фактор поддержания ценностей государственной службы, а сами руководители выполняют роль как бы “моста с двусторонним движением”, обеспечивая баланс между давлением со стороны политиков, с одной стороны, и квалифицированным мнением специалистов-служащих, а отчасти, и ведомственными интересами (конечно, в той мере, в какой они соответствуют общей политике правительства) – с другой. В противном случае разрывается столь необходимая связь между политическим “верхом” и аппаратом.

Руководитель несет ответственность за организацию постоянного диалога между разными уровнями служащих и в рамках каждого из этих уровней. В этом трудно переоценить роль этических ценностей и моральных стандартов государственной службы (по мнению, например, канадцев, не менее важных, чем чисто профессиональные качества). Одна из обязанностей руководителя – внедрять в сознание подчиненных идеологию служения гражданам, налогоплательщикам как приоритета в их деятельности. “Госслужба существует для людей” – одна из самых кратких и часто повторяемых формулировок этого приоритета.

Статус руководителя предполагает наличие не только прав, но и обязанностей, а также моральных обязательств по отношению к подчиненным. В науке эта дилемма рассматривается в более широком контексте разных стилей руководства – авторитарного, демократического и “либерального”. Для разных типов коллективов оптимальны разные типы руководства.

Так, в госаппарате чисто авторитарный стиль и неэффективен, и морально неприемлем, поскольку порождает отчуждение и сковывает инициативу служащих. Наи-

более продуктивно их сочетание в разных пропорциях, в зависимости от специфики коллектива и решаемых им задач. (В частности, это зависит от наличия в его функциях аналитической компоненты.) Разумеется, дисциплина и подчинение необходимы в любом случае, но в гражданских ведомствах – в гораздо более гибких и мягких формах, чем, скажем, в военных или аналогичных им коллективах. Более того, действия руководителя, неадекватные типу коллектива и характеру осуществляемых им служебных функций, могут принести и немалое “административное зло”³.

Порой руководитель обязан принимать жесткие решения. Наиболее актуальной для нас в этом контексте может стать задача сокращения аппарата, связанная с увольнением людей. Но даже ее можно решать в разных формах. Очень важно, чтобы в коллективе решение руководителя воспринималось как справедливое. Это – одно из необходимых условий сохранения на будущее здорового морального климата. Весьма существенно, когда руководитель относится к своим сотрудникам не как к функциональным “винтикам”, а демонстрирует уважение к личности служащего, к его достоинству.

Далее, руководитель должен поддерживать с подчиненными режим диалога, в том числе – инициировать обсуждение моральных аспектов госслужбы. Это – одна из его обязанностей. Между ним и подчиненными должны существовать отношения взаимного доверия. И здесь очень важна норма, обозначаемая как *“возможность говорить начальству правду”*, не исключая и случаев, когда такая правда, по той или иной причине, руководителю неприятна, либо он не согласен с точкой зрения подчиненного. Эта моральная норма должна действовать на всех уровнях – начиная от “связки” министр – заместитель министра и до самого “низа”. Только это обеспечивает доверие и необходимый контакт “верха” с реальностью. Обратное порождает лицемерие, цинизм и довольно быстро подрывает как ценности госслужбы, так и ее эффективность.

Таким образом, *регулирование деятельности госслужащих, причем разных уровней, на основе ценностей и этики – одна из важнейших предпосылок социальной эффективности государства, одно из главных направлений его реформирования*. Но чтобы движение в этом направлении было успешным, необходимо самое серьезное внимание и отношение к нему со стороны высшего руководства. Если оно не верит в важность этики, то связанных с этим программ лучше и не начинать, ибо если не проявлять тут решительность и последовательность, а ограничиться полумерами, единственным результатом станет то, что “скептики станут циниками”.

Руководитель любого уровня должен быть вдвойне морален, ибо любой его пропуск дает негативный резонанс, отражаясь на репутации представляемого им органа, а порой – и на репутации государства в целом. Пренебрежение этим, как и вообще девальвация ценности репутации – беда, драма всего нашего постсоветского периода существования. Кичливость, подчеркивание своей начальственной “особости”, хвастливая демонстрация богатства, недоступного другим уровням жизни, VIP-хамство, в том числе на дорогах, и многое другое (что, к сожалению, из отклонений превратилось у нас почти в неформальную норму) – свидетельства морального разложения человека, его морального несоответствия занимаемому посту, независимо от чисто деловых качеств.

В этом смысле любопытна норма Филиппинского кодекса поведения чиновника, согласно которой жилище государственного служащего не должно качественно отличаться в лучшую сторону от жилья большинства людей на территории, находящейся под его юрисдикцией. Кажущаяся на первый взгляд расплывчатой, эта норма именно благодаря такой расплывчатости обладает некой универсальностью, ибо оперирует не деньгами или метрами, а апеллирует к пусть субъективной, но потому и важной моральной оценке со стороны окружающих, местного общественного мнения. Ведь на интуитивном уровне границы морально допустимого для чиновника возвышения

³ Понятие административного зла используется психологом Ф. Зимбардо [Зимбардо 2013, с. 551, 711]. Впервые оно предложено в [Adams, Balfour 2004].

над средним уровнем жизни, как правило, более или менее ясны, а некоторая (думаю, намеренная) размытость формулы как раз и придает ей именно нравственный, обращенный, с одной стороны, к совести человека, а с другой – к групповым нормам социальной среды характер. Местные же стандарты, уровень жизни качественно различны. И если в бедной деревне где-нибудь на тех же Филиппинах, где даже дом под железной крышей в окружении крытых пальмовыми листьями хижин может стать вызовом и свидетельством “нетрудовых доходов”, то в месте благополучном и особнячок посреди подобного же рода домов вряд ли вызовет у окружающих особые негативные эмоции или подозрения. Полагаю, нечто подобное филиппинскому опыту весьма пригодились бы и в России, особенно в депрессивных регионах, где местные “царьки” благоденствуют и самоуправствуют посреди полунищего и бесправного населения.

Коррупцию же я вообще бы отнес к числу особо опасных государственных преступлений. В каком-то смысле она даже опаснее по последствиям насильственных преступлений и грабежей, ибо насильник и грабитель действуют от своего лица, либо, максимум, от лица своей банды. Коррупционер же как бы прикрывается щитом государственных полномочий, да к тому же при нынешнем состоянии нашей правоохранительной системы защищен гораздо больше рядового гражданина. И совершаемые им правонарушения быют по престижу государства, оказывают разрушительное действие на общественную мораль.

Лидеры всегда оказываются объектом повышенного внимания. Поэтому как их действия служебного характера, так и их поступки в частной жизни дают определенный общественный резонанс. Они могут становиться предметом и подражания, и осуждения, неприязни, и даже порождать отчуждение. Иными словами, **лидеры личным примером могут влиять на общественные ценности**, поддерживая одни из них и дискредитируя либо выводя за пределы актуальной ценностной шкалы другие. Недооценка (а то и игнорирование) данного обстоятельства в постсоветскую эпоху рыночного романтизма и первоначального накопления спровоцировала серьезные ценностные деформации в общественном сознании. С последствиями этого мы сталкиваемся постоянно, а в последнее время – даже в крайних формах, заставляющих вспомнить печально знаменитую гоббсовскую формулу “войны всех против всех”.

Повышенная моральная ответственность политиков

Дополнительная моральная ответственность лежит на политиках, особенно самого высокого ранга. Проблема эта имеет несколько уровней.

Разумеется, политик обязан подчиняться всем требованиям закона, без каких-либо исключений. Однако это – условие необходимое, но недостаточное. Помимо требований закона, существует ряд дополнительных, моральных обязательств и ограничений, связанных с его общественным статусом. Не все возможное и даже не все законноепустимо для политика морально, разумеется, если категория репутации для него – не пустой звук. Ведь репутация политика – не только его личное дело: она проецируется и на репутацию занимаемого им поста, и на репутацию его команды, органа власти, партии, а то и всего государства. Ограничения эти должны исходить из двух источников: из писаных и неписаных этических норм и стандартов политического поведения и из внутреннего нравственного этоса политика. В последнем случае уместней назвать их самоограничениями.

В частности, открытость для критики и бóльшая прозрачность частной жизни – необходимые атрибуты жизни подлинного политика (в отличие от политикана). Прозрачность власти, мотивов ее поступков и решений – хотя бы относительные условия ее моральности. Сфера частной жизни, *privacy*, у публичной фигуры должна быть уже, чем у обычного гражданина. И потому, например, что состояние здоровья политика (как физического, так и ментального, психического) может повлиять на адекватность оценки им той или иной ситуации и, соответственно, на выбор того или иного варианта политического решения, способно сказаться на судьбах многих людей, а то и страны в

целом. В советские времена у нас все это было тайной за семью печатями, хранимой вплоть до их смерти. Помню шок от медицинских бюллетеней, публиковавшихся после кончины очередного “старца” из Политбюро. Чего там только не было: инсульты, множественные инфаркты, глубокий склероз... А ведь эти люди принимали подчас судьбоносные решения! Последствия некоторых из них мы ощущаем до сих пор.

Не соответствующие стандартам общественной морали поступки политика, даже если это касается его частной жизни, и престиж власти подрывают, и порождают сомнения в критериях и мотивах его действий и решений уже в общественной сфере. В этом смысле многое изменилось за последние десятилетия. Например, если адюльтеры американских президентов и других политиков топ уровня в 1960-е гг. общественным мнением если и не поощрялись, то уж по меньшей мере не осуждались, то в 1990-е гг. все стало иначе. (Полагаю излишним напоминать примеры из области политической “клубнички”).

Также политик не должен прятаться от людей. Понятно, что меры безопасности в наше время необходимы. Однако они не должны быть избыточными. Политик – профессия повышенного риска, причем выбранная добровольно. Чрезмерные меры безопасности – свидетельство неуверенности в себе и даже определенной боязни “простых людей”. Иногда сам политик в этом лично не виноват, ибо масштаб и характер мер по его защите определяют службы безопасности, порой оказывая ему тем самым “медвежью услугу”. Однако в общественном сознании это все равно связывается с ним самим.

Особую, символическую важность представляют характер и степень открытости процедуры инаугурации президентов. У нас, как известно, с этим далеко не все в порядке, не соответствует стандартам демократической политической культуры, общественных ожиданий да и вообще “требований века”. Это, помимо прочего, усиливает и так существующее отчуждение людей от государства со всеми негативными последствиями – падением авторитета государственных институтов и, как следствие, их легитимности в глазах людей, а одновременно – “фатальным имморализмом” самих политиков вследствие известного производного эффекта “плохого мальчика”.

Любая профессия, как известно, накладывает определенный отпечаток на личность человека, на его видение мира, модус поведения, формирование круга особо авторитетных сотрудников и советников – в терминах социальной психологии “значимых других”. Причем то, что в рамках одной профессии будет считаться нормой, за ее пределами может восприниматься как деформация сознания. Например, хороший чиновник, как и юрист, неизбежно будет в определенной мере формалистом, педантом, тогда как внешние по отношению к профессии люди сочтут его за это “буквалистом”, а то и “занудой”. Коллизии возникают и при смене человеком сферы деятельности, скажем, при переходе военного на гражданскую службу. Как известно, в военных структурах приказы не подлежат обсуждению, тогда как на службе гражданской, особенно в структурах аналитических, отношения иные: неразмышляющее “щелканье каблукками” порой может принести больше вреда, чем пользы. К тому же люди с ментальностью военнослужащего более склонны к “черно-белому” видению ситуаций и проблем, к так называемым “простым” решениям, что не всегда адекватно более нюансированным ситуациям в гражданской сфере.

Или возьмем другой пример. Профессии, связанные с государственной безопасностью, а тем более с разведывательной деятельностью, имеют свой специфический этический кодекс, единственно позволяющий преуспеть, а то и просто выжить во враждебной и опасной среде, где любая ошибка и даже нерешительность, опоздание в принятии решения чреваты серьезными негативными, часто трагическими последствиями. Этот кодекс неизбежно включает достаточно жесткие и даже жестокие виды и стандарты поведения, которые отличны от правил, принятых в других сферах жизни. Проблема возникает, когда люди из этой среды приходят со своим кодексом и видением мира в иные сферы профессиональной деятельности. Возможности и пределы адаптации при подобной смене профессиональной парадигмы – вопрос, заслуживающий

специального изучения как в силу его актуальности, так и потому, что пренебрежение им чревато серьезными социальными последствиями.

В завершение данного раздела еще раз хочу подчеркнуть критическую важность рассмотрения и оценки политического поведения через призму *этических ценностей и норм*. Представляется, что это должно стать одним из главных векторов реформирования государства, восстановления его моральной легитимности в глазах общества, во всяком случае – той его части, которая является носителем наиболее перспективной части его культурного капитала и от которой в наибольшей степени зависит развитие страны.

Парламентская этика

Позиция члена парламента не только значима политически, но и весьма “чувствительна” в плане этическом. Проблема даже не в его потенциальной или реальной коррумпированности, а в том, что перед ним достаточно часто встают непростые этические дилеммы (разумеется, если он соответствует своему высокому званию, а не является его “симулякром”, что, увы – ситуация весьма распространенная). Парламентариям нередко приходится делать непростой выбор между интересами страны и собственной карьерой, интересами избирателей и личными или групповыми, корпоративными. Кроме того, они находятся под пристальным вниманием средств массовой информации, общественных организаций, общественности в целом. По ним судят и о государстве как таковом. Поэтому прежде всего сами парламентарии должны быть заинтересованы в том, чтобы иметь сформулированный свод правил поведения и деклариования финансовой информации о себе и членах своей семьи.

Нельзя сказать, чтобы в нашем постсоветском парламенте о депутатской этике совсем уж не заботились. Еще в начале 1990-х гг. в Думе была образована Комиссия по этике, а в закон 1994 г. “О статусе депутата” была включена ст. 9 о соблюдении этических норм и ответственности за их нарушение. К сожалению, в силу разных причин все это долгое время оставалось на уровне деклараций. Более того, депутатская этика была неоправданно сведена к требованиям корректности поведения депутатов по отношению друг к другу, иными словами, к соблюдению “приличий” в собрании. Само по себе это неплохо. Разумеется, недопустимо оскорблять друг друга (не говоря уж о рукоприкладстве), прерывать выступающих, манкировать своей работой, употреблять бранные выражения и т.п. Но все перечисленное в той же мере относится к любому сообществу более или менее культурных людей. А перечень того, что “нельзя”, можно продолжать довольно долго. Однако тут нет специфики именно *депутатской, парламентской этики*, то есть норм, связанных с особым социальным статусом депутатов как представителей одной из ветвей власти, причем по Конституции независимой от других ее ветвей, с особыми депутатскими возможностями и “искушениями”. У нас ее подменили этикетом, что, как известно, в переводе с французского означает “малая этика”.

Справедливость требует отметить, что нарушения норм поведения, принятых в среде культурных, да и просто воспитанных людей (вплоть до драк и даже стрельбы), можно наблюдать не только в российском парламенте. И дело тут, видимо, не только в экзальтации или невоспитанности. Депутаты порой совершают эпатажные поступки, поскольку они, как правило, становятся публичными и, соответственно, делают им рекламу. Подобные инциденты привлекают СМИ, которые обсуждают их с разных сторон. К сожалению, в этом есть и некий прагматический резон, ибо “скучная” профессиональная работа парламентария не дает ярких информационных поводов, а значит, в новости не попадет.

В 2000-е гг. Комиссия Думы по этике все же продвинулась в разработке документа, отвечающего специфике депутатской деятельности, хотя, надо признать, к первому чтению из него под предлогом “стремления к консенсусу” были удалены все наиболее существенные моменты и ограничения. Впрочем, документ тогда дальше первого

чтения и не продвинулся. Уже в 2012–2013 гг. Единой Россией был разработан новый вариант кодекса, который, однако, в соответствии с духом “новых времен” переместил акцент с главных вопросов – контроля за конфликтом интересов и финансами депутатов – на ограничение форм и методов выражения несогласия даже минимально оппозиционными депутатами, что вызвало естественные возражения со стороны представителей КПРФ и Справедливой России. В итоге кодекс так и не был принят.

Представляется важным поделить опыт страны с наиболее долгой историей парламентаризма – Великобритании. В 1994 г. в ответ на общественную обеспокоенность стандартами поведения лиц, занимающих публичные должности, выразившуюся в том, что за 10 лет оценка общественностью членов Парламента упала на 20%, был образован Комитет по стандартам публичной сферы (подробнее см. [Оболонский 2009; Оболонский, Барабашев 2013]). Он был создан в качестве консультативного органа при премьер-министре. Процесс подбора его членов носил открытый и публичный характер. Объявления о вакансиях были помещены в крупнейших изданиях и Интернете. Главные политические партии страны составили из числа претендентов список кандидатов, из которого премьер-министр произвел назначения. Примечателен состав первого “созыва” Комитета: председатель – лорд, практикующий адвокат и член совета одного из колледжей Оксфорда, члены Комитета – бывший старший секретарь Палаты общин, профессор права, административный руководитель университета, известный деятель из мира бизнеса. Все члены Комитета – люди в обществе известные и независимые.

Любопытен статус Комитета. С одной стороны, он представляет как бы продолжение администрации Кабинета министров и подотчетен премьер-министру. С другой стороны, он не имеет непосредственных отношений с Парламентом и ни с одним из его комитетов, включая Комитет по стандартам и привилегиям. В его задачи входит не разбор конкретных дел и жалоб, а анализ общих проблем и выработка рекомендаций, которые затем передаются премьер-министру, а тот представляет их Палате общин. Основная форма работы Комитета – общественные слушания по определенным им ключевым вопросам этических стандартов и последующая подготовка рекомендаций. Стенограммы его докладов, а также официальные ответы Палат на его рекомендации публикуются.

Таким образом, Комитет можно рассматривать как порождение государства, но не как государственный орган в общепринятом смысле. Формально он не является демократическим органом, но по своему составу и мандату призван нести демократические ценности и идеалы и контролировать их соблюдение людьми, служащими обществу за деньги налогоплательщиков в государственных институтах и учреждениях. (Последнее время в развитых обществах появляется все больше подобных невыборных и неполитических регулирующих органов, которые частично подменяют и дополняют традиционные институты представительной демократии.) Уже в своем первом докладе Комитет сформулировал семь принципов поведения лиц в публичной сфере (см., например, [Оболонский 2011]). Кроме того, в число основных выводов первого доклада вошли следующие пункты:

- члены парламента и далее должны иметь право заниматься оплачиваемой деятельностью, не связанной с их депутатскими функциями; однако оплачиваемая деятельность в качестве общих парламентских консультантов, работающих со многими клиентами, должна быть запрещена;
- все соглашения и вознаграждения членов парламента должны быть исчерпывающим образом декларированы в Реестре интересов, где также должно быть отражено содержание этих интересов во избежание ситуаций конфликта интересов;
- необходимо разработать Кодекс поведения членов парламента;
- Палате общин следует назначить лицо, имеющее репутацию независимого человека, Парламентским уполномоченным по стандартам поведения, в обязанности которого входило бы ведение Реестра интересов, консультирование относительно Кодекса поведения, дача рекомендаций и советов по вопросам поведения и конфликта интере-

сов, а также расследование жалоб на поведение депутатов и составление отчетов по их результатам;

– в случае если Уполномоченный решит, что парламентариию следует объяснить свое поведение, это объяснение должно быть заслушано на заседании подкомитета Комитета Палаты по привилегиям.

В докладе особо подчеркивалось, что поскольку Палата общин – сердцевина британской демократии, то соблюдение ее членами высоких стандартов поведения в публичных делах критически важно для политического здоровья нации. А для создания со стороны населения атмосферы доверия своим избранникам, необходимо, чтобы оно воспринимало их соответствующим образом. Также подчеркивалась важность того, чтобы все – от членов парламента до самых мелких чиновников – проходили курс обучения этике поведения в публичных делах. Рекомендовалось заново пересматривать и переутверждать Кодекс поведения каждым новым составом палаты. Был предложен проект такого кодекса. Он был принят в 1995 г. с минимальными изменениями по сравнению с проектом, предложенным Комитетом.

Должность парламентского Уполномоченного по стандартам поведения была введена практически сразу же – в ноябре 1995 г., тогда же был принят и “Кодекс поведения для членов парламента”. Согласно ему, члены Парламента обязаны декларировать свое материальное положение в течение трех месяцев с момента вступления в должность, а также заявлять о любых его изменениях в четырехнедельный срок. Содержание декларации, имеющей название “Реестр интересов”, включает 10 позиций: должности директоров компаний, фондов и т.п.; побочную работу; клиентов и лиц, консультируемых депутатом; спонсоров и жертвователей средств в избирательный фонд депутата; полученные подарки, если их стоимость превышает 125 фунтов и любые финансовые поступления, превышающие 0,5% его жалованья, то есть более 250 фунтов; зарубежные поездки; подарки от иностранных дарителей стоимостью более 0,5% от жалованья; земельную и иную собственность; акции; любое другое имущество, имеющее значение для “Реестра интересов”. Большинство перечисленных пунктов распространяются также на супругов и детей депутата, находящихся на его иждивении, и тоже подлежат включению в декларацию. “Реестр” публикуется ежегодно и открыт для общественности в Комитете по стандартам и привилегиям. Правда, доступ к документам, касающимся отдельного депутата, не вполне свободен: он предоставляется по усмотрению парламентского Уполномоченного по стандартам поведения. Полагаю, в этом есть определенный резон, ибо таким образом обеспечивается определенная защищенность информации относительно частной жизни депутата и ставится препятствие для возможностей некорректного манипулирования данными о нем в политиканских целях.

За 20 лет Комитет провел множество расследований, ряд публичных слушаний с участием членов парламента. К их числу относились конфликт интересов и обязанности по их декларированию, обязанность регистрации личных коммерческих интересов, запрет на оплачиваемое отстаивание чьих-либо интересов, на заключение контрактов, ограничивающих независимость и свободу действий депутата, лоббирование, оказание консалтинговых услуг, процедуры рассмотрения обвинений депутатов в уголовных правонарушениях и нарушениях этики, запрет на оплачиваемое отстаивание чьих-либо интересов, вопросы, связанные с финансированием политических партий, с ограничением расходов на избирательные компании, со статусом так называемых “специальных”, то есть политических советников премьера, с ролью Уполномоченного по этике, с допуском СМИ на слушания, доступом граждан к материалам Комитета и т.д. По их материалам в каждом случае публиковался доклад (см. [Этика... 2005]).

Было бы, впрочем, приукрашиванием действительности сказать, что в Соединенном королевстве со стандартами поведения в публичной сфере все теперь обстоит абсолютно благополучно. Но *главное, принципиальное отличие от нас состоит в другом – в отношении к данному злу, в серьезности стремления на деле искоренить его.*

И главный предмет деятельности Комитета – это *этические методы борьбы с ним, лежащие вне уголовно-правовой процедуры*.

Тематика, связанная с этикой публичной политики, имеет множество аспектов и, разумеется, не может быть всесторонне освещена в одной статье. Но все же в завершение ее кратко остановимся еще на одном.

Этика члена гражданского общества

У нас немало говорят о гражданском обществе как необходимом условии позитивного развития страны, и это справедливо. Однако трудно представить себе гражданское общество при отсутствии собственно Граждан, то есть людей с развитой гражданской политической культурой.

Очень важный, возможно, интегрирующий элемент гражданской политической культуры – *солидарность*. А это – категория из области публичной этики. Гражданское общество – во многом единство людей, социально неравнодушных, сознающих свою ответственность перед страной и ее будущим, свои гражданские и политические права, готовых их защищать всеми конституционными средствами, тратить на это силы и время, порой идти для этого на риск. Их позиция противоположна позиции атомизированных временщиков и социальных приспособленцев. В. Ключевский использовал для их обозначения термин “постояльцы”, противопоставляя его “хозяевам”, а М. Салтыков-Щедрин писал о легионе сорванцов, у которых на языке “государство”, а в мыслях пирог с казенной начинкой. Обычно используемые в этих случаях, как мантры, клише о приоритете “порядка”, “стабильности” лукавы, ибо за ними стоят не общественные, а личные и (или) групповые интересы, желание удержать позиции в дефектной по своей сути системе. Ф. Хайек в классической работе “Дорога к рабству” весьма убедительно рассмотрел проблему соотношения порядка и свободы. Сознание хозяина своей страны, то есть человека, могущего и, следовательно, обязанного влиять на ее состояние и пути развития, неотделимо от чувства собственного достоинства, самоуважения. Помимо прочего, оно влияет и на имидж страны, на отношение к ее гражданам. Словом, “гражданин” и “подданный” – разные типы политического сознания, что предполагает и различное политическое поведение.

К моральным категориям относится и *патриотизм*. Его отличие от симулякров патриотизма, которые мы часто наблюдаем, – реальная, а не выставляемая напоказ любовь к своей стране, которая проявляется в желании исправить ее дефекты и ошибки, а не защищать или обосновывать их. *Патриотизм* отнюдь не синоним *верноподданности*. Известны, в частности, яркие суждения Л. Толстого относительно спекуляций на патриотических чувствах приближенной к престолу “великосветской черни” и клерикальных кругов. Это его перу принадлежат очерки “Патриотизм и правительство”, “Христианство и патриотизм”. Я же приведу цитату из почти забытого публициста второй половины XIX в. В. Зайцева: “Есть два манера любить свой народ и свое отечество. Первый манер любить его так, как каждый из нас любит хорошее жаркое. Этот способ любви чрезвычайно психически прост и понятен всякому идиоту, почему идиотами и признается единственно нормальным... Относясь беспристрастно к своей родине, мы видим в ней вместо сочного жаркого одну из самых обездоленных частей земного шара... Официальные патриоты заинтересованы в том, чтобы она такою и оставалась, так как и в этом виде она им представляет вкусное блюдо, снабжая в изобилии севрюжиной, морошкой и вологодскими рябчиками. Мы же заинтересованы в том, чтобы вывести родину из этого невзрачного положения. Беспристрастный человек может легко рассудить, чей патриотизм бескорыстнее и чьи стремления выгоднее для самой родины” [Зайцев 1966, с. 295–296]. Мне даже кажется, что выделенный Зайцевым первый “манер” патриотизма скорей заслуживает имени *антипатриотизма*, ибо он объективно направлен против полноценного развития страны в интересах подавляющего большинства ее граждан.

Вообще в России процесс “этизации политики” не просто запаздывает. Хуже того: последнее время наблюдается *ренессанс макиавеллизма*, пусть во внешне замаскированных популистской риторикой и жестами, но по сути в достаточно циничных и крайних формах. Характер данной работы не предполагает перечисления примеров, тем более что регулярно появляются все новые и новые факты. Важнее отметить, что у нашего государства появляется все больше черт военно-бюрократической системы управления. А это всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. По существу, мы имеем дело с попыткой прикрыть насколько возможно еще недавно довольно широко распахнутую дверь открытого общества, то есть происходит то, от чего и предостерегал Поппер.

Почти век назад, в 1923 г., П. Новгородцев предвидел гигантскую сложность задачи нравственного возрождения нации после краха большевистского режима: “Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших моральных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ... Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни... Сколько новых темных чувств незаглохнувшей стихии опять появится! Сколько натворит новых бед суровая страсть порядка и покоя! Сколько тяжелых этапов пройдет и могучая потребность хозяйственного восстановления с ее неукротимыми инстинктами приобретения и накопления” [Новгородцев 1991, с. 577]. За время, минувшее с тех пор, как были написаны эти строки, ситуация лишь ухудшилась. Разве что процессы настолько ускорились, что века сжались до десятилетий, а десятилетия – до лет и даже месяцев. “Крот истории” ныне роет гораздо быстрее. И это сильно обнадеживает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр П. Воспоминания. Дневники (1995) СПб.: Пушкинский дом.
- Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. (1997) Этика политического успеха. Тюмень, М.: Центр прикладной этики.
- Берлин И. (2014^а) Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, с. 122–185.
- Берлин И. (2014^б) Стремление к идеалу // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, с. 7–25.
- Графский В.Г. (2005) История политических и правовых учений. М.: Высшее образование.
- Гусейнов А.А. (2004) Мораль и политика: уроки Аристотеля // Политическая этика: социокультурный контекст. Ведомости. Вып. 24. Тюмень: Научно-исследовательский институт прикладной этики, с. 97–131.
- Древнекитайская философия (1973) В 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
- Зайцев В. (1966) Наш и их патриотизм // Прометей. № 1, с. 295–296.
- Зимбардо Ф. (2013) Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: АНФ.
- Карамзин Н.М. (1992) История государства Российского. В 12 т. Т. 4. М.: Наука.
- Карамзин Н.М. (1998) История государства Российского. В 12 т. Т. 6. М.: Наука.
- Крук Р. (2004) Основы христианской этики. М.: Триада.
- Новгородцев П.И. (1991) Об общественном идеале. М.: Пресса, Вопросы философии.
- Оболонский А.В. (2009) Государственная служба Великобритании: традиции и поиск новой парадигмы // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2, с. 57–80.
- Оболонский А.В. (2011) Кризис бюрократического государства. М.: Фонд “Либеральная миссия”.
- Оболонский А.В., Барабашев А.Г. (2013) Как расчистить авгиевы конюшни нашей бюрократии: два взгляда // Вестник Института Кеннана в России. № 23, с. 53–65.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М.: Международный фонд “Культурная инициатива”.
- Харрисон Л. (2014) Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.

Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы (2005). М.: Институт права и публичной политики.

Adams G., Balfour D. (2004) *Unmasking Administrative Evil*. New York: M.E. Sharpe.

Dogerty B. (2006) *Radicals for Capitalism: a freewheel history of modern American libertarian movement*. Washington: Public Affairs.

Ethic in the public policy as a factor for socio-cultural changes

A. OBOLONSKY*

* **Obolonsky Alexander** – doctor of law, professor of National Research University – Higher School of Economics. Address: 20, Myasniskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: aobolonsky@hse.ru.

Abstract

The article is devoted to critically important issue of the ethical regulation of politicians behavior at different levels and kinds of work as well as citizens. Author considers the ethical values and standards as one of mostly effective ways for possible progress in this field of public life by means of changes in prevailed political culture of the society. The current situation is not just unsatisfactory, but dangerous for a future of the country. The decline of state prestige is not only Russian but in a certain degree is worldwide problem, a part of general crisis of state in its existing forms and quest of model supposedly more adequate to modern circumstances and public expectations.

The problems of relation between politics and morality (issue of Makiavellism, particularly), political ethic and democracy, the moral aspects of leadership, special moral responsibility of politicians, the ethic of parliamentarians and ethic of civil society's member are considered. A number of historical sources and some foreign (English, in particular) materials are used in the article.

Keywords: ethic, morality, political culture, civil values, state, democracy, leader, member of parliament, civil society.

REFERENCES

- Adams G., Balfour D. (2004) *Unmasking Administrative Evil*. New York: M.E. Sharpe.
- Aleksandr II. Vospominaniya. Dnevnik (1995) [Alexander II. Memories. Diaries] St-Petersburg.: Pushkinskiy Dom.
- Bakhtanovskiy V.I., Sogomonov Yu.V., Churilov V.A. (1997) *Etika politicheskogo uspeha* [The ethics of political success] Tyumen, M.: Centr prikladnoy etiki.
- Berlin I. (2014^a) *Dva ponimaniya svobody* [Two concepts of freedom]. Berlin I. *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe ob ozrenie, pp. 122–185.
- Berlin I. (2014^b) *Stremlenie k idealu* [The quest for the ideal]. Berlin I. *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–25.
- Dogerty B. (2006) *Radicals for Capitalism: a freewheel history of modern American libertarian movement*. Washington: Public Affairs.
- Drevnekitayskaya filosofiya* (1973) [Ancient Chinese Philosophy]. 2 t. T. 2. Moscow: Mysl'.
- Etika publichnoy politiki. Iz opita raboti Komiteta po standartam publichnoy sfery* (2005) [Ethics of Public Policy. From the experience of Committee on Standards in Public Life] M.: Institut prava i publichnoy politiki.
- Grafskiy V.G. (2005) *Istoriya politicheskikh i pravovih ucheniy* [The history of political and legal doctrines] Moscow: Visshee obrazovanie.
- Guseynov A.A. (2004) *Moral i politika: uroki Aristotelya* [Morality and Politics: Lessons from Aristotle]. *Politicheskaya etika: sociokulturniy kontekst. Vedomosti, vip. 24*. [Sheets sociocultural context, vyp. 24] Tyumen: Nauchno-issledovatel'skiy institut prikladnoy etiki, pp. 97–131.

- Harrison L. (2014) *Evrei, konfucianci i protestanti: kulturniy kapital i konec multikulturalizma* [Jews, Confucians and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism] Moscow: Mysl'.
- Karamzin N.M. (1992) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [The history of the Russian state] 12 v., V. 4. Moscow: Nauka.
- Karamzin N.M. (1998) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [The history of the Russian state] 12 v., V. 6. Moscow: Nauka.
- Kruk R. (2004) *Osnovi hristianskoy etiki* [Fundamentals of Christian Ethics] Moscow: Triada.
- Novgorodcev P.I. (1991) *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideals]. Moscow: Pressa, Voprosy filosofii.
- Obolonskiy A.V. (2009) Gosudarstvennaya sluzhba Velikobritanii: tradicii i poisk novoy paradigmy [The State Service UK: tradition and search for a new paradigm] *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, no. 2, pp. 57–80.
- Obolonskiy A.V. (2011) *Krizis byurokraticheskogo gosudarstva* [The crisis of the bureaucratic state]. Moscow: Fond "Liberalnaya missiya".
- Obolonskiy A.V., Barabashev A.G. (2013) Kak raschistit' avgievi konyushni nashey byurokratii: dva vzglyada [How to clean up the Augean stables of our bureaucracy: two views]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*, no. 23, pp. 53–65.
- Popper K. (1992) *Otkritoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies] 2 v., V. 1. M.: Mezhdunarodniy fond Kulturnaya iniciativa.
- Zaycev V. (1966) Nash i ih patriotizm [Domestic and foreign patriotism]. *Prometey*, no. 1, pp. 295–296.
- Zimbardo F. (2013) *Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevraschayutsya v zlodeev* [Lucifer Effect. Why do good people turn into villains]. Moscow: ANF.

© А. Оболонский, 2015